

as independent individuals that by their combinations form groups or compositions which become also certain individuals on another level of abstraction. Gehry's structures look like collections of architectural phenomena that support diversity, a sort of unintended gatherings, as if it was a meeting of passers-by who stopped for a chat, that took place on a building scale. And those "snakes and fish" almost always appear as a pair of mythological creatures supporting the polarity of this world... Richard Serra, Frank Gehry's close friend, was commissioned to make a special permanent sculpture collection for one of the largest galleries in Bilbao. It was quite natural that Serra's response to the space of Frank Gehry took the form of a massive metal snake rolled up into a corroded iron labyrinth. Isn't the museum a giant scaly reptile that creates another space? But considering his destiny of a man who himself is God and judge, hated to amazement and adored to despair, Gehry creates an architectural world where commitment to freedom of expression overcomes everything and, at the same time, sets new borders which have never been overcome by anyone else.

Indeed, some architectural analysts state that, unlike other architects, who belong to certain schools, circles and doctrines, my architectural language can hardly be put in a frame of a certain style – my buildings are compared with living creatures having an autonomous life. It is not an attempt to imitate or to model an organic world through architecture. I think that, in a way, the language I use has existed in art and architecture: in the works of Italian futurists, in Phidias's sculptures, in cave paintings and megaliths. The matter is that architecture has always been limited by economics and, as a rule, by building policy. The only difference with the past is that today everything (cars, planes) is in motion, making a clear-cut image of chaos... There is a nightmare chaos, a visual chaos (let's leave aside the political muddle). And I think that it comes from democracy. Democracy catalyzes chaos. And this increase in mobility of the surrounding world is one of the things that define my intentions. I don't know whether my buildings can be related to the works by Marinetti, who really searched for the ways of expressing motion... I have always been attracted

v Концертный зал
Уолта Диснея, 1991–2003.
Лос-Анджелес / Walt
Disney Concert Hall, Los
Angeles, 1991-2003

by the sense of dynamics and its expression. I watched a fish swim and recreated it in the architectural forms of my early experiments – such transfer is easy to make. I studied those images, and they led me to the language and lexis. I did it in order to learn how to create figures by myself, whether they are buildings, decorations or lamps. I use computer technologies. I am interested in it because I can make an expressive image and turn it into a building, where the original sense is preserved thanks to the computer producing exactly what you want. Zoomorphism originates from it. Forms look organic because initially they are drawn by the free-from-geometry hand, and then the drawing becomes a building... Everything is natural. But I don't create dragons, monsters and so on. Now I am building the Deutsche Bank on Alexanderplatz in Berlin. A very strange form envelopes the board room, but I think it is the best one we have ever tried. It is very interesting – you feel very comfortable inside, everyone feels it. What dialogue can be between buildings, what holds them together, in the frames of one common language? For example, the

в пещерной живописи и мегалитах. Дело в том, что архитектура всегда была ограничена экономикой и, как правило, строительной политикой. Единственное отличие от прошлого состоит в том, что сегодня все движется, создавая некий отчетливый образ хаоса – машины, самолеты... Существует хаос ночного кошмара, визуальный хаос (оставим в стороне политическую неразбериху). И я думаю, что это происходит от демократии. Демократия – это то, что катализирует хаос. И это увеличение мобильности окружающего мира является одной из вещей, которые определяют мои намерения. Я не знаю, могут ли мои здания быть связаны с работой Маринетти, который действительно искал способы выражения движения... Меня всегда привлекало чувство динамики и ее выражение. Я наблюдал, как плавают рыба, и в моих ранних экспериментах воссоздал это в архитектурных формах – такой перенос осуществить легко. Я изучал эти образы, они приводили к языку, к лексике. Я сделал это, чтобы научиться создавать фигуры самостоятельно, будь то здания, украшения или лампы. Я использую компьютерные технологии, и это очень интересно, потому что я могу сделать выразительный рисунок и превратить его в здание, в котором сохраняется первоначальное чувство благодаря компьютеру, который точно воспроизводит желаемое. Отсюда происходит зооморфизм. Формы выглядят органично, потому что в начале их создает свободная от геометрии рука, которая их рисует, а потом этот рисунок становится зданием... Все очень естественно. Но я не создаю драконов, чудовищ и тому подобное. Сейчас, в Берлине, я строю здание Deutsche Bank на Александерплац. Там очень странная форма облакает зал заседаний правления банка, но я думаю, что она лучшая из того, что мы пробовали. Это очень интересно: вы чувствуете себя очень хорошо внутри; все это чувствуют. Какой диалог могут осуществлять мои здания, что держит их вместе, в рамках одного, разделяемого всеми, языка? Например, проект Концертного зала Лос-Анджелеса (проектирование началось до Музея Бильбао) первоначально предполагал каменную облицовку. Были бюрократические и организационные трудности, поэтому проект прервался, и в то же время был реализован проект в Бильбао. Когда жители Лос-Анджелеса увидели металлическое здание,

Concert Hall in Los Angeles. Its designing started before the Bilbao Museum, and initially the project contemplated stone dressing. The project was discontinued due to bureaucratic and organizational difficulties, and, at the same time, the Bilbao project was realized. After seeing the metal building, Los Angeles citizens also wanted to replace stone with metal. At first I refused, because the Hall was designed to be dressed in stone, but since the project was already five or six years old, I was interested in changing the decision – it was a new project for me. The Jimi Hendrix Museum in Seattle also entered into a dialogue with my previous work. It was an idea of Paul Allen, the former partner of Bill Gates, a big fan of Rock and Roll and Jimi Hendrix, and a guitar player. Mr. Allen wanted to build the Museum of Rock and Roll to help the youth understand the creative process in music. He liked the strange form of my Berlin project and he commissioned me to create a building expressing those ideas. But then again I saw nightmares, and here is the result... As you see, my projects use me to exchange ideas, to have dialogues. The forms arise from the idea of

в Светильники «Рыбы», 2013. Произведения выполнены из монохромного пластика Formica ColorCore, металлического каркаса, дерева и силикона, а внутри каждой скульптуры помещен электрический светильник. По словам автора, идея ячеисто-зубчатых пластин, имитирующих рыбу-чешую, пришла к художнику еще в восьмидесятые годы, когда он случайно уронил изделие, выполненное из такого же пластика, и оно разлетелось на множество угловатых осколков / Fish Lamps, 2013. The lamps are made of Formica ColorCore monochromic plastic, a metal frame, wood and silicone. Inside each sculpture there is an electrical lamp. As the author says, the idea of cellular and serrate plates came to the artist as early as in the 1980s, when he accidentally shattered a piece of the same plastic into numerous shards

motion, from the sense of motion, because I am a modernist, for whom decoration is a sin. I say that my works arise from my nightmares. It is a part of a rhetoric joke. But before falling asleep, I do think much about my buildings, their problems and good ideas. Being in trouble, you relax and suddenly feel the enlightenment. But in real conditions, these decisions don't come from dreams. I am far from Jung's philosophy of archetypes, which are realized in dreams and all that stuff...

Polyphony and democracy

Probably, there are other peculiarities and qualities that make you think that my works have a structure compared with a polyphonic novel on the verge of chaos. But we are surrounded by chaos, visual or some other chaos, which is affected by creativity, because the latter puts it into order. Even in my dreams, when I see nightmares, they help me find solutions... As I have already said, chaos, in a way, results from democracy. Democracy makes a certain contribution to chaos, because it is pluralistic: it offers a lot of possibilities, ways and

conflicts. It boosts my ambitions, because I like the idea of democracy and choice. The majority of us are ready to sacrifice our lives to democracy, but we don't think much about how it is integrated in the surrounding buildings. Our built environment is a product of democracy. Democracy is chaotic because it is pluralistic. It creates a lot of variants, alternative courses and conflicts. Such status quo attracts me, because I like the idea of democracy. Many people deny it and return to the models of the 19th century. I don't understand it. I think it leads to the politics of the 19th century. We should learn to live in the present, to understand what chaos is and what democracy does. I'll give you an example – the Bilbao Museum... The main problem was the necessity to integrate the building into the chaos of the existing environment, to associate it to the bridge, the river, the industry, the 19th century. So it was very interesting to work in that context. Buildings, as well as people, conduct a dialogue not only with the spatial context, but sometimes regardless of time and space. But these dialogues are not limited to their correlation with the context... Or rather

the context does not boil down to the setting of the building. The city includes many other kinds of cultural memory. For example, the director of the Guggenheim Museum in New York demanded the Bilbao atrium to be related to the spiral atrium of the New York Guggenheim designed by Wright, as a reflection of a common universal prototype. Moreover, in the same project I tried to introduce an idea of the bridge, bringing it into the interior of the building. But that bridge had several references to chaos in my consciousness, which led to the dialogue: the bridge of the 19th century in Bilbao over the river just near the museum, the bridges of the city railway in Berlin running through several buildings and complexes (even the Pergamon Museum), as well as the bridges in Fritz Lang's films, which enter the buildings and become their components. Probably, my buildings do have a certain sensibility to a dialogue... I think that a building should have a passion for expression, it should speak about something. I want my buildings to look like they were made by someone who put certain intentions into them. This gives them something human, like human attitude.

^ Комплекс Neuer Zollhof, часть проекта реновации здания таможни, 1998. Дюссельдорф / The Neuer Zollhof complex, a part of renovation project

они тоже захотели заменить камень металлом. Сначала я отказывался, потому что зал был спроектирован с камнем, но поскольку проекту уже было пять или шесть лет, мне стало интересно изменить решение: это было новым проектом для меня. Музей Джимми Хендрикса в Сизтле также вступил в диалог с моей предыдущей работой. Это была идея Пола Аллена, бывшего партнера Билла Гейтса, большого поклонника рок-н-ролла и Джимми Хендрикса, а сам г-н Аллен играл на гитаре. Г-н Аллен хотел создать музей рок-н-ролла, чтобы молодежь Сизтла могла понять творческий процесс в музыке. Ему понравилась странная форма моего берлинского проекта, и он поручил мне придумать здание, чтобы выразить эти идеи. Опять же, мне снились кошмары, и вот – результат... Как видите, мои проекты используют меня, чтобы обмениваться идеями, вести диалоги. Формы проистекают из идеи движения, из чувства движения, потому что я модернист и для меня украшательство – это грех. То, что мои работы исходят из моих кошмаров – это часть риторической шутки, но прежде чем я засну, я действительно много думаю о своих зданиях, их проблемах и хороших идеях. Когда вы расслабляетесь и вы в беде, внезапно возникает просветление. Но в реальных условиях эти решения исходят не из снов. Я далек от философии архетипов Юнга, которые реализуются во сне, и все такое.

Полифония и демократия

Возможно, есть и другие особенности и свойства, которые заставляют вас думать, что мои работы имеют структуру, сопоставимую с полифоническим романом на грани хаоса из голосов. Но нас действительно окружает хаос, визуальный и всякий иной; хаос, на который также влияет творчество, так как творчество организует его. Даже во сне, когда мне снятся кошмары, они помогают мне найти решения... Как я уже говорил, хаос в некотором смысле является следствием демократии. Она вносит свой вклад в хаос, потому что она плюралистична: она предлагает много возможностей, дорог и конфликтов. Это

меня амбицирует, потому что я люблю идею демократии и выбора. Большинство из нас готовы отдать свои жизни за нее, но мы недостаточно думаем о том, как она встроена в окружающие здания. Построенная нами среда – продукт демократии. И демократия хаотична, потому что она плюралистична. Она создает множество вариантов, множество альтернативных траекторий, много конфликтов. И меня привлекает такое положение вещей, потому что мне нравится идея демократии. Так много людей отвергают ее и обращаются к моделям девятнадцатого века. Я этого

v Автобусная остановка Брауншвайгерплац, 1994. Ганновер / Brounsweiger Platz bus stop, Hanover, 1994

< Скульптура «Рыба» на набережной в Барселоне. Объект создан к Олимпийским играм 1992 года / The Fish Sculpture on Barcelona's embankment created on the occasion of the 1992 Olympic Games

That's why I can be an expressionist. Some Swiss architects are anti-expressionists, they are minimalists. I like minimalism, but I think that the new minimalism is rather speculative. I like working with a real building, which has skin, flesh and bones...

An attempt to reach imperfection

It can be said that there is unintended zoo- or anthropomorphism, which is similar to Rudolf Steiner's anthroposophy, reflected in my buildings. Well, it can be so... I believe in the future of craftsmanship. America is terrible, it doesn't exist there. I don't know about this country. Nevertheless, it seems to me that I don't want my buildings to look like natural creatures, or any other sort of natural phenomena. On the contrary, I want my architecture to be apparently artificial, to demonstrate that it is made by somebody. It gives a sense of human attitude. Thus, if you live in my buildings or at least come inside, you will feel the contact with human relations embedded in them. It is a humanistic experience concerning art. I think that most people feel it. If you come into my house,

which looks surprising regardless any human experience, at first sight, it will give you a sense of something comfortable and very calm. No, I don't believe in the cult of perfection. Many people consider my buildings to be incomplete and far from ideally organized principles, such as symmetry, balance etc. When I see something absolutely perfect, I can appreciate it... but I am more interested in ingenuousness, the possibility of the development and the potential of the imperfection. That is why I do agree with you that there is nowhere one can move from the point of perfection, and that's a dead end. I find it useless to reach an ideal by such means. It bears no relation to our everyday life, which is constantly aimed at something, that means it is far from perfection... Don't get me wrong, I try to soothe it in order to unconstrain it from the ideal, to make it more dynamic, genuine and, in some sense, imperfect. It doesn't mean that I don't use high technologies and computer possibilities. But only because the mathematical expression of imperfection becomes so complicated – you know, mathematics is a highly perfect discipline, if we exclude some of its higher

не понимаю; я думаю, что это возвращает и к политике XIX века. Нам нужно учиться жить в настоящем, понимать, что такое хаос и что делает демократия. Я приведу вам пример – Музей Бильбао... Основная проблема заключалась в том, что здание необходимо было вписать в хаос существующей среды, связать с мостом, рекой, промышленностью, девятнадцатым веком. Вот... было очень интересно работать в этой среде. Здания, а также люди ведут диалог – не только с пространственным контекстом, но иногда и вне времени и пространства. Но эти диалоги не ограничиваются корреляцией с контекстом... Вернее, контекст не ограничивается окружением здания. В город включены многие другие виды культурной памяти. Например, директор Гугенхайма в Нью-Йорке потребовал, чтобы атриум Бильбао был связан со спиральным атриумом Райта в здании Нью Йоркского Гугенхайма как отображение единого универсального прототипа. Более того, в том же проекте я попытался включить идею моста, внеся его прямо в интерьер здания. Но этот мост имел

несколько ссылок на хаос в моем сознании, а они привели к диалогу: мост XIX века в Бильбао через реку рядом с музеем; мосты городской железной дороги в Берлине, которые пронзили ряд зданий и комплексов в город; даже музей Пергамон, а также мосты в фильмах Фрица Ланга, которые входят в здания и становятся их компонентами. Возможно, у моих зданий действительно есть определенная чувствительность к диалогу... Я думаю, что здание должно иметь некоторую страсть к выражению, говорить что-то. Я хочу, чтобы мои здания выглядели так, как будто кто-то их делал, вкладывая в них определенные интенции. Это дает им нечто человеческое, похожее на человеческое отношение. Поэтому я могу быть экспрессионистом. Некоторые швейцарские архитекторы являются анти-экспрессионистами, минималистами. Мне очень нравится минимализм, но я думаю, что новый минимализм довольно умозрительен. Мне нравится работать с настоящим зданием, у него кожа, плоть, кости...

в Фрагмент здания Фонда Луи Виттон (Fondation Louis Vuitton), 2005–2014. Париж / A fragment of the Fondation Louis Vuitton building, Paris, 2005-2014

divisions based on the theory of probability and absolutely inexact... I try to use high technologies to express an imperfect but strong creation, a line, a surface and other things made by human hands, a craftsman's hands. And if some of my spaces seem zoomorphic or natural, it is because their outlines are rooted in my drawing made by a human hand, which becomes a building in the course of a series of transformations. But I don't look for the images of dragons or other strange creatures to embody them in architectural spaces.

The changing scale

My work in Panama is rather a town-planning experiment. I didn't imagine how to work in the scale of urban design and urban planning. The matter is that my wife is from Panama. During our visit to her family there, the authorities asked me to help them develop the land use master plan concerning the canal. But I told them that I was not Don Quixote, that I lived in California, and that everything I could do was to gather a team of young and talented architects to do the work, naturally,

Попытка достигнуть несовершенства

Можно сказать, что существует какой-то непреднамеренный зоо- или антропоморфизм, подобный антропософии Рудольфа Штайнера, что отражено и в моих зданиях. Ну, да, может быть... Я верю в будущее рукотворного мастерства. Америка ужасна, там этого совсем не существует; я не знаю, как здесь. В каком-то смысле мне кажется, что я не хочу, чтобы мои здания выглядели как существа, то есть естественные природные явления. Напротив, я хочу, чтобы моя архитектура говорила, что она искусственно создана, что кто-то ее сделал. Это дает ощущение человеческого отношения. Итак, если вы живете в моих зданиях или хотя бы заходите в них, вы будете чувствовать себя в контакте с человеческими отношениями, которые в них заложены. Это гуманистический опыт, касающийся искусства. Я думаю, что большинство людей это чувствует. Если вы придете в мой дом, который выглядит как нечто совершенно неожиданное, вопреки любому человеческому опыту, на первый взгляд это даст вам представление о чем-то очень удобном, очень спокойном. Нет, я не верю в культ совершенства. Для многих людей мои здания кажутся незавершенными, далекими от идеально организованных закономерностей, таких, как симметрия, равновесие и т. д. Когда я вижу что-то совершенно совершенное, я могу это оценить... но меня гораздо больше интересует непосредственность, возможность развития, потенциал несовершенства. Поэтому я действительно согласен с вами в том, что из точки совершенства нет возможности двигаться; это тупик. Я нахожу, что бесполезно достигать идеала ценой таких затрат. Это не имеет никакого отношения к нашей повседневной жизни, которая всегда стремится куда-то, то есть она далека от совершенства... Поймите меня правильно: я пытаюсь что-то успокоить, чтобы освободить от принуждения идеала, сделать более динамичным, непосредственным и, в некотором смысле, несовершенным. Это не значит, что я не использую высокие технологий и возможности компьютера. Но только потому, что математическое выражение несовершенства настолько усложнилось: математика ведь очень совершенная дисциплина, если мы исключаем некоторые наиболее высокие ее разделы, которые основаны на теории вероятностей и абсолютно неточны... Я пытаюсь

provided that the group would also include local architects. And then Greg Lynn, Lindy Roy and others were in the group that I gathered. It was a fully town-planning experiment. They called their architectural group ASAP. Now I am trying to establish relations between the Tulane University's School of Architecture and their group. The idea is to make Tulane an American gathering point for architectural groups from all over the world to do the project in Panama.

Technology and form

As for technologies and craftsmanship, we have a very dynamic project in Düsseldorf, Rhein. There are three office buildings, each of them having different façade materials. One building is plastered, the façade of the second one is made of stainless steel, and the façade of the third building is made of brick. The curving walls and the windows provide a view of the river from everywhere. It appeared to be a very successful economic strategy, because the buildings acquired a very strong identity. They look a bit turbulent, and this adds an activating

выразить с помощью высоких технологий несовершенное, но мощное творчество, линию, поверхность и т. д. Созданное человеческой рукой, рукой ремесленника. И если некоторые из моих пространств кажутся зооморфными или природными, так это потому, что их контуры начинаются и уходят корнями в мой рисунок – сделанный человеческой рукой, который превращается в ходе серии преобразований в здание. Но я не ищу образы драконов или других странных существ, чтобы воплотить их в архитектурных пространствах.

в Банк DZ на Александер-платц. Зал заседаний, центральное пространство, 2001. Берлин / DZ Bank at Alexanderplatz, Berlin. Meeting room, central space. 2001

effect. In general, speaking about high technologies, there are few paper drawings, if any, because the configurations are very complicated. It was easier for us to build a digital connection between our computers and the computers of those manufacturers of the shipbuilding industry that produce metal forms with complex curvature. Thus, construction elements were made of sheet steel according to the parameters sent directly from our computers to the robotized machines, which produced the walls and other components. It was great! The shipbuilding industry built houses instead of ships... A similar metal structure with precise mathematical curves was also used in Bilbao. As soon as those brave Basques gave us the winning prize at the competition, we immediately started to readjust the whole project. We returned to the initial position three times before it emerged. The structure of the building is absolutely unique, and the precise calculations include up to seven decimals. Six steel-casting enterprises participated in the tender for the project. Because of the precision of our computer documentation, the difference of their bids was within one

percent. We happened to find titanium. The price of stainless steel equaled half price of titanium. However, we noticed that we could make titanium plates half thinner than the plates made of stainless steel. We looked for alternative offers on stainless steel and titanium. Fortunately, Russians brought a lot of titanium to market, because, according to the contract with Americans, they had to cut some of their rockets into pieces for scrap metal, and the international market prices for titanium fell down immediately.

Passion for construction

No, I am not a philosopher, a conceptualist or a visionist in architecture... I am a builder. I just like building. I do not pursue such architectural fantasies as Saint Elias or those of Chernikhov. Some architects are very much inspired, for example, by Piranesi's pictures. I do not belong to the sphere of verbal philosophical architecture. I am not a contemplative architect-drawer; I am an architect-builder. I can tell you why – I like building relations with clients – people with whom

> Офисная башня, 1995.
Ганновер / Office tower,
Hanover, 1995

Изменение масштаба

То, что я делаю в Панаме, – это, скорее, градостроительный эксперимент. Я и сам не представлял, каким образом работать в масштабе городского проектирования и планирования. Все дело в том, что моя жена из Панамы, и когда мы посетили ее семью там, власти попросили меня помочь с генеральным планом по освоению территорий, связанных с каналом. Но я сказал им, что я не Дон Кихот, я живу в Калифорнии, и все, что я могу сделать – это создать команду молодых талантливых архитекторов,

чтобы они выполняли свою работу. Естественно, условие состояло в том, чтобы в группу вошли также архитекторы из местного сообщества. А потом Грег Линн, Линди Рой и другие оказались в группе, которую я выбрал. Это был полностью градостроительный эксперимент. Они создали архитектурную группу, которую назвали ASAP. В настоящее время я пытаюсь построить отношения между Школой архитектуры Университета Тулейн и этой группой. Идея состоит в том, чтобы сделать Тулейн американской точкой сбора архитектурных групп со всего мира для проекта в Панаме.

Технология и форма

Что касается технологий и рукотворности. У нас есть очень динамичный проект в Дюссельдорфе, Рейн. Это три бизнес-здания, предназначенные для офисов; каждое здание облицовано разными фасадными материалами. Одно здание оштукатурено, у другого – фасад из нержавеющей стали, третье отделано кирпичом. Складки стен и окна устроены так, что отовсюду видна река. Это оказалось очень успешной экономической стратегией, поскольку здания приобрели чрезвычайно сильную идентичность. Они выглядят слегка турбулентными, и это добавляет дополнительный активирующий эффект. Вообще, если говорить о высоких технологиях, то в проекте почти нет чертежей на бумаге, потому что конфигурации чрезвычайно сложны. Нам было проще построить цифровую связь между нашими компьютерными машинами и компьютерами производственных компаний в судостроительной промышленности, которые делают металлические формы сложной кривизны. Таким образом, строительные детали были изготовлены из листовой стали с параметрами, передаваемыми непосредственно с наших компьютеров на роботизированные машины, которые создавали стены и другие компоненты. Это было здорово! Корабельная индустрия строила дома вместо судов... Аналогичная металлическая структура с очень точными математическими кривыми используется также в Бильбао. Как только эти смелые баски дали нам премию, мы первым делом начали реконструировать весь проект. Три раза мы возвращались в исходное положение, прежде чем все возникло. Структурная схема здания аб-

we play a common game; I like this process even more than a completed building... Now I am working with a group of scientists at Massachusetts Institute of Technology. I am really impressed by them, I am in the seventh heaven! Seven Nobel Prize laureates are my clients, Noam Chomsky and others of the same level. It is of interest for us to have discussions, to make arguments. They think I do something wrong, and I reply that... well, you know. This discussion and mixture of approaches and ideas stimulates the intellect so much that I can't bare it, I go home, read their books and then return to argue with them again. Of course, this influences my work, but I also teach them how to understand this architecture and enjoy it. A project is always a result of cooperation. The final product to some extent belongs to them, though the meaning is certainly mine. The language of expression is mine, but they become a part of all this. This feeling of involvement is very important for me, because it is an educational process, and I am a teacher. If they didn't need to study architecture, I wouldn't need it either. But they want it. Indeed, the language of expression is mine, but

солютно уникальна, а точность расчетов составляет семь знаков после запятой. Шесть отдельных сталелитейных компаний проводили торги по проекту. И из-за точности документации на компьютере их ставки различались друг от друга в пределах одного процента. Мы случайно нашли титан. Цена на нержавеющую сталь составляет половину цены на титан. Однако мы обнаружили, что мы можем изготовить титановые пластины в половину толщины нержавеющей стали. Мы искали альтернативные предложения по нержавеющей стали и титану, а потом, к счастью, русские выбросили много титана на международный рынок, потому что по контракту с американцами им пришлось порезать некоторые из своих ракет на металлолом, и цены на титан на международном рынке сразу упали.

Страсть к строительству

Нет, я не философ, концептуалист или визионер в архитектуре... Я строитель. Мне просто нравится строить. Я не занимаюсь такими архитектурными фантазиями, как Сент-Элиа или Чернихов. Некоторые из архитекторов очень вдохновляются, например, картинами Пиранези. Но я не принадлежу к кругу вербальной философской архитектуры. Я не умозрительный архитектор-рисовальщик, я архитектор-строитель. Я расскажу вам, почему: я люблю отношения с клиентами – людьми, с которыми мы играем в общую игру. Мне нравится этот процесс даже больше, чем готовое здание... Сейчас я работаю в Массачусетском технологическом институте с группой ученых; я действительно удивлен, я на седьмом небе от них. Семь лауреатов Нобелевской премии – мои клиенты: Ноам Хомский и другие, того же порядка. Нам интересно: дискуссии, аргументы; они думают, что я делаю что-то не то, я говорю им, что... ну, вы понимаете. Это обсуждение и смешивание подходов и идей настолько стимулирует интеллект, что я не могу вытерпеть: я иду домой, читаю их книги, а потом снова иду спорить с ними. Это, конечно, влияет на мою работу, но я также учу их понимать эту архитектуру и получать от нее удовольствие. Проект всегда является результатом взаимодействия. Конечный продукт в какой-то степени принадлежит им, хотя смысл мой. Язык мой, но они становятся частью всего этого. Для меня важно чувство такой сопричастности, потому что

the decision is common. I should bring them to the decision that corresponds to their demands, but, at the same time, it should be something more, that's why they invite me. It is the process that gives me much pleasure. I don't know why you compare my works with Nouvel's works – I suppose because we happened to be in the same place at the same time¹. Obviously, we are absolutely different, but we have many intercrossings. We both do our best, not knowing where we go. It is good for creation – the process is uncertain, you don't know where you go. If you know beforehand, you won't do it. And as soon as you have done it, you should invent an explanation, because theorists are lazy...

это учебный процесс, и я – учитель. Если бы им не нужно было изучать архитектуру, то и мне бы это не понадобилось. Но они этого хотят... Действительно, язык выражения принадлежит мне, но решение является общим. Я должен привести их к решению, которое соответствует их потребностям, но в то же время это должно быть нечто большее – поэтому они приглашают меня. Это процесс, который доставляет мне огромное удовольствие. Я не знаю, почему вы сопоставляете мои работы с работами Нувеля: я полагаю, только потому, что мы оказались одновременно в одном и том же месте¹... Очевидно, мы совершенно разные, но между нами много пересечений. Мы оба стараемся, не зная, куда мы идем. Это хорошая вещь в творчестве – процесс не определен, вы не знаете, куда идете. Если вы заранее знаете, вы этого не сделаете. И как только вы это сделали, вы должны придумать объяснение, потому что теоретики ленивы...

1. Гери и Нувель приехали в Софию в один и тот же день в 1998 г. на день рождения общего друга французского критика Оливье Боассье, который жил в тот период в Софии (Примечание автора) /

Gehry and Nouvel arrived in Sofia on the same day in 1998, at the birthday of their common friend, the French critic Olivier Boissier, who was based in Sofia at that time. (Author's note).

v Музей Гуггенхайма в Бильбао, 1994–1997 / Guggenheim Museum in Bilbao, 1994–1997